

ДЕМОКРАТИЗАЦІЯ СОЦІАЛІЗМА

I.

Історія соціалізму окрашена одной чертой, которую можно характеризовать такъ: *борьба съ демократіей*.

Обычная формула: «демократія и соціалізмъ» понималась не только какъ формула союза, но и какъ формула противопоставленія. Союзъ «и» часто означалъ только сочетаніе этимологическое, наоборотъ логическое удареніе придавало этому союзу характеръ раздѣлительный.

Борьба соціалізма съ демократіей окрашиваетъ всю его исторію до нашихъ дней, когда коммунизмъ, придя къ власти, двойнымъ взмахомъ реального меча и теоретизирующаго пера уничтожилъ демократію въ сферѣ своего господства и практически и идеологически. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что антидемократическая концепція коммунизма ни въ какой мѣрѣ не является его собственнымъ идеологическимъ достояніемъ. Ни одного новаго слова онъ тутъ не сказалъ. Онъ могъ полными пригоршнями черпать эти антидемократическіе принципы изъ старой, средней и новой исторіи соціалізма, гдѣ все уже было дано въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и сочетаніяхъ. Эти позаимствованія были не столько сознательной рецепціей антидемократическихъ теченій въ соціалізмѣ, сколько произвольнымъ подчиненіемъ и зараженіемъ тѣмъ стихийнымъ отталкиваніемъ отъ политической демократіи, какое — то слабѣе, то сильнѣе — всегда присуще было духовной атмосферѣ соціалізма. Именно эта безсознательная сторона интересующаго насъ явленія, а не экзегетическія упражненія лукаво мудрствующихъ книжниковъ коммунизма, показала намъ во весь ростъ

всю опасность, грозящую социализму. Это была зараза, распространившаяся не только на конквистадоровъ коммунизма, но и на безпощадно преслѣдуемыхъ ими противниковъ изъ лагеря «лѣваго социализма». Первые отвергли, вторые «усомнились» и стали вносить поправки, въ которыхъ они чувствовали и чувствуютъ себя тѣмъ увѣреннѣе, что къ ихъ услугамъ въ исторіи социализма имѣется безконечное множество теоретическихъ прецедентовъ.

Было бы, однако, ошибочно думать, что разочарованіе въ политической демократіи охватило только группы «слѣва». Нѣтъ, и «справа» въ станѣ социализма повѣяло тѣмъ же духомъ. Разница заключается въ томъ, что если въ лѣвыхъ кругахъ демократіей жертвуютъ во имя сильно-дѣйствующихъ средствъ «соціальной революціи» и «диктатуры», то справа эти жертвы диктуются ослабленіемъ вѣры въ творческую роль государства и политическихъ методовъ вообще. У лѣвыхъ демократія тонетъ въ пучинахъ политическаго революціонаризма, у правыхъ въ тихой заводи экономическаго реформизма. Первые поворачиваются спиной къ демократіи, потому что сильно переоцѣниваютъ роль механическихъ, организаціонныхъ и распорядительныхъ функций «силовой» власти, которая сама все можетъ; вторые потому, что роль эту сильно недооцѣниваютъ. Слишкомъ большая и слишкомъ малая вѣра въ творческое начало государственной власти приводитъ одинаково къ недооцѣнкѣ политической демократіи, какъ формы государственной жизни. Сгущенная экономика и сгущенная политика одинаково бьютъ по принципамъ демократіи.

Эта антидемократическая тенденція въ социализмѣ имѣетъ глубокіе историческіе корни. Если взять эпоху развитія социализма примѣрно съ первой четверти 19 столѣтія, то нельзя не замѣтить, что социализмъ въ значительной мѣрѣ питался разочарованіемъ въ способности тѣхъ великихъ началъ, какія были провозглашены Великой Французской Революціей, дать счастье измученнымъ народамъ.

Вотъ революція, потрясшая весь міръ, вотъ скрижали свободы, въ грозѣ и бурѣ свѣтившія человѣчеству надежнымъ пристанищемъ. И что-же? много кругомъ развалинъ, — много горя и слезъ и болѣзней, и нужды, и голода. А счастья нѣтъ. Да и свободы нѣтъ: царитъ надъ Европой ночь «Священнаго Союза» угнетателей. Трудъ пригнетенъ къ землѣ. Нѣтъ, — очевидно, не въ политическихъ переворотахъ дѣло. Нужно измѣнить основы собственности. Таково широко разлитое настроеніе.

Въ художественно-философскомъ мышленіи воцаряется «Міровая скорбь». Въ социальномъ мышленіи воцаряется социализмъ не какъ проблема политическаго устройства народовъ, а преимущественно какъ проблема собственности. Утопическій социализмъ той эпохи преимущественно аполитиченъ. Социализмъ это *соціальная* *вопросъ*, но не политическій. Политическія перемѣны ничего не даютъ тѣмъ, кто не имѣетъ собственности. Социализмъ — ученіе бѣдныхъ и обиженныхъ, развивается и идеологически крѣпнеть, какъ реакція противъ «политическаго строя» въ защиту «экономическаго строя». Наоборотъ, идеологія расцвѣтающей буржуазіи, получившей въ великой бурѣ все, что ей нужно было, крѣпко держится за «политическій строй» и совершенно не интересуется строемъ экономическимъ. Здѣсь у нея все болѣе или менѣе въ порядкѣ. Тѣмъ усиленнѣй социализмъ сосредоточиваетъ свое вниманіе именно на отношеніяхъ собственности. Демократія нужна буржуазіи, богатымъ. Бѣднымъ, пролетаріямъ нуженъ социализмъ.

Прошло много десятилѣтій и социализмъ не освободился отъ этого уклона своей идеологіи. Его великая вербующая сила среди трудящихся обязана своимъ происхожденіемъ именно этому господству въ немъ экономическаго начала. Массы были далеки отъ политики, отъ активнаго участія въ тѣхъ формахъ демократіи, какія тогда уже существовали. Онѣ были отъ этого далеки не только вслѣдствіе системы цензовыхъ привилегій, но и вслѣдствіе низкаго уровня своего интеллектуальнаго и политическаго развитія. Отъ политики онѣ были далеки, но зато онѣ всецѣло были захвачены рычагами экномики. Это была ихъ темница, въ которой рождались, жили, страдали и умирали, и эту темницу онѣ хорошо знали, чувствовали ее, какъ собственный недугъ и несчастье. Для нихъ проблемой былъ социализмъ, но не демократія.

Прудонъ выразилъ эту тенденцію въ отчетливой формѣ, когда писалъ: «На мѣсто правительствъ . . . мы ставимъ промышленную организацію, на мѣсто законовъ мы ставимъ договоры . . . На мѣсто политическихъ властей мы ставимъ экономическія силы . . . На мѣсто государственной силы мы ставимъ коллективную силу . . . На мѣсто политической централизаціи мы ставимъ экономическую централизацію . . .» *) Было бы ошибочно думать, что здѣсь мы имѣемъ только специфически *анархистскую* форму этой тенденции. То четкое раздѣленіе между анархизмомъ и социализмомъ, какое мы сейчасъ прово-

*) Займствуя эти формулы изъ приводимой П. Новгородцевымъ цитаты изъ сочиненія Прудона: „Idée générale de la révolution au XIX-e siècle“. См. „Объ общественномъ идеалѣ“ стр. 337.

димъ, является достояніемъ сравнительно поздней эпохи въ исторіи развитія соціализма. Но даже и послѣ этого раздѣленія съ превращеніемъ анархизма въ обособленное, враждебное соціализму, теченіе, соціализмъ не освободился отъ своего недовѣрчиво индифферентнаго отношенія къ проблемѣ политической демократіи.

Мало того, даже въ наиболѣе разработанной системѣ соціализма, съ которой связано нынѣшнее міровое соціалистическое движеніе — въ марксизмъ — этотъ индифферентизмъ, переходящій порою въ законченно-теоретическое отрицаніе творческой роли государства, умѣстился въ видѣ разрозненныхъ, плохо согласованныхъ со всей системой, фрагментовъ. Укажемъ хотя бы только на теорію исчезновенія государства у Энгельса и отчасти у Маркса.

II.

Можетъ показаться страннымъ, какъ это мы приписываемъ соціализму такое индифферентное или даже отрицательное отношеніе къ проблемамъ политической демократіи, когда соціализмъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ политическихъ революціяхъ, ждалъ ихъ, предвѣщалъ, мечталъ о нихъ и звалъ къ нимъ массы, когда онъ весь кипѣлъ политическими страстями революціонной борьбы и тысячи борцовъ соціализма легли костями на поляхъ политическихъ битвъ со старыми режимами. Все это такъ. Но присмотритесь поближе и вы увидите, что эти факты нисколько не противорѣчатъ нашему утвержденію. Ибо не было ни одной политической революціи, въ которую соціализмъ вступилъ бы во имя политической демократіи, какъ таковой. Не было ни одной революціи, въ которой соціалисты не видѣли бы непосредственнаго орудія непосредственнаго перехода къ соціалистическому строю. Не демократія воспламеняла ихъ сердца въ моментъ, когда они бросались навстрѣчу смерти, а соціализмъ, т. е. экономическое равенство.

Заняло бы слишкомъ много мѣста иллюстрировать это положеніе конкретными историческими примѣрами. Намъ поэтому приходится сослаться на работу Д. Далина, въ которой авторъ, совершенно, конечно, свободный отъ всякаго еретизма, подробно останавливается на отношеніи Маркса и Энгельса, Лассаля, Бебеля, Каутскаго къ происходившимъ въ ихъ время или къ ожидавшимся тогда революціямъ. Всюду въ общихъ чертахъ одно и тоже: съ политической революціей связаны на-

дежды «немедленного социализма». *) Въ этомъ, а не въ политической демократіи, паюсъ борьбы. Съ древа политическаго кризиса должны быть сорваны райскія яблоки социализма. Десятки разъ ошибались насчетъ возможности социализма въ результатѣ очередной революціи, въ этихъ ошибкахъ сознавались открыто и честно, но только затѣмъ, чтобъ вновь ихъ повторить на дѣлѣ при слѣдующей исторической встряскѣ. Мало того, даже на примѣрѣ Лассаля, этого политика *quand même*, этого, пропитаннаго насквозь Гегелемъ и Руссо, государственника — можно видѣть какъ мало социализмъ цѣнилъ политическую демократію, какъ автономную цѣнность эмансипирующагося человѣчества. Ибо для Лассаля его страстная борьба за всеобщее избирательное право, т. е. за одну изъ главныхъ основъ демократіи, была связана самымъ ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ съ идеей производительныхъ ассоціацій, которыя спасутъ міръ и водворятъ социализмъ, какъ только государство откроетъ имъ широкія субсидіи. Для этого-то и нужно вообще всеобщее избирательное право, такъ какъ оно сможетъ дать такой составъ избранныхъ, который на этой помощи ассоціаціямъ сумѣетъ настоять.

Мы видимъ, что даже у этого страстнаго политическаго борца даже на почвѣ требованія всеобщаго избирательнаго права, не политическая демократія, а экономическая панацея является источникомъ революціонно-творческихъ порывовъ. Во всеобщемъ избирательномъ правѣ Лассаль видѣлъ гораздо меньше полезной работы общественнаго строительства, чѣмъ въ производительныхъ артеляхъ. Полезная работа была только въ послѣднихъ. Политическая демократія была только передаточнымъ механизмомъ.

Нужно сказать, что только въ работахъ русской «Группы Освобожденія Труда», т. е. главнымъ образомъ Плеханова, социализмъ впервые ясно и прямо поставилъ вопросъ о самостоятельномъ значеніи политической демократіи. Въ борьбѣ съ народовольцами Плехановъ оперировалъ чистымъ понятіемъ политической революціи безъ всякихъ попытокъ срывать съ древа ея райскія яблоки социализма. Долго русская соц.-демократія крѣпко держалась на ученіи Плеханова. Стоило однако въ 1905 г. загремѣть раскатамъ революціи, какъ множество учениковъ его сорвались съ теоретической узды и пошла писать губернія о перманентной революціи, пошли вводить явочнымъ порядкомъ 8-часовой рабочій день и т. п. И здѣсь задачи политиче-

*) См. „Послѣ войны и революцій“ стр. 175—185, Берликъ 1922 г., Издательство „Грани“.

ской демократіи были или забыты, или принесены въ жертву «соціализму» — въ кавычкахъ, конечно, потому что иного соціализма и быть не могло. Что было въ 1917 г., когда «соціализмъ» въ итогѣ съѣлъ завоеванія революціи — это мы всё еще хорошо помнимъ.

Можно поэтому смѣло сказать, что до 1917 г. завоеваніе политической демократіи ни разу не играло автономной роли въ сознаниі вступавшихъ въ революцію соціалистическихъ партій. Отчасти это относится и къ Германской революціи 1918 г. Германскіе независимые с. д. считаютъ ее весьма «неудавшейся». Объ этомъ въ годовщину Веймарской конституціи, едва ли не самой совершенной изъ нынѣ дѣйствующихъ конституцій, писалъ органъ независимыхъ „Freiheit“. Почти никакой не удалось осуществить соціализаціи. Правда, удалось уничтожить одно изъ опаснѣйшихъ гнѣздъ монархической и милитаристской реакціи, осуществить широчайшія формы политической демократіи и сдѣлать рабочій классъ, если пока не формальной, то реальной опорой государственно-правового развитія. Но такъ какъ никакого прямого соціалистическаго приза при этомъ не выиграли, то ясно, что революція была «неудавшейся».

Въ этомъ скорбно-брюзжащемъ отношеніи германскихъ независимыхъ с. д. къ германской революціи мы видимъ не только личный недостатокъ ихъ политическаго разума, но и весьма характерное отраженіе изживаемой, но далеко еще не изжитой болѣзни соціализма, выражающейся или въ отрицаниі самостоятельнаго значенія цѣнности политической демократіи, или въ слишкомъ низкой оцѣнкѣ этого значенія, или же, наконецъ, въ наиболѣе прочно пока удерживающейся формулѣ: соціализмъ — цѣль, политическая демократія — средство. Эту формулу мы разсмотримъ ниже. Пока же необходимо устрани́ть одно часто встрѣчающееся недоразумѣніе.

Эту, характеризованную выше, болѣзнь принято именовать «утопизмомъ». Такъ поступаетъ и Д. Далинь: Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, Бебель и даже Каутскій — всё великіе представители соціализма были утопистами. Д. Далинь въ этомъ отношеніи прямо безпопадень: «въ этомъ отношеніи грѣшны всё (курсивъ Д. Далина), въ томъ числѣ и творцы научнаго соціализма — пишетъ онъ. Иныя ошибки ихъ кажутся прямо непонятными сейчасъ. Смѣшно и глупо ихъ замалчивать. Наоборотъ надо вложить персты во всё раны»... и т. п. Вложивъ персты, авторъ вынимаетъ такую занозу: «Таковы ужъ общественныя науки. Въ нихъ человѣческія страсти и интересы пере-

крещиваются съ ходомъ научнаго анализа... Революціонное нетерпѣніе замѣняетъ собой научное изслѣдованіе. Революціонное нетерпѣніе — очень благородное чувство. Но когда оно замѣняетъ собой холодный и трезвый анализъ, социализмъ продѣлываетъ обратный путь: *отъ науки къ утопіи* *)).

Положеніе, какъ видите, довольно безнадежное: «таковы ужь общественныя науки», а потому *«грѣшны всѣ»*. Грѣхъ же выражается въ томъ, что всѣ великіе социалисты (о малыхъ ужь и говорить не приходится) считали возможнымъ осуществленіе социализма тогда, когда для этого было еще слишкомъ недостаточно предпосылокъ.

Теорія, согласно которой всякія ошибки и болѣзни социализма сводятся къ «утопизму» — очень соблазнительная теорія; къ сожалѣнію, она мало что объясняетъ. Марксъ, Энгельсъ и другіе великіе и малые социалисты заносились мечтой въ тотъ общественный строй, для котораго не было тогда предпосылокъ, но не потому, что они были утопистами и революціоннымъ нетерпѣніемъ замѣняли объективный анализъ, а потому что кромѣ «немедленнаго социализма» у нихъ не было иной великой цѣли и великой страсти. Демократія, т. е. та форма общежитія, для которой предпосылки *были*, ихъ не воодушевляла, они ее не настолько цѣнили, чтобы павосомъ ближайшихъ историческихъ возможностей напитать свое стремленіе къ революціонному творчеству. Политическая демократія стояла внѣ поля ихъ зрѣнія, да и объективно демократія находилась и какъ дѣйствительность, и какъ идеологія въ столь эмбриональномъ состояніи, что самыми геніальными усиліями ума нельзя было тогда представить себѣ роль и значеніе развернутыхъ формъ демократіи въ процессъ освобожденія человѣчества. Поэтому социализмъ не былъ той недостижимой цѣлью, которую выбирали вмѣсто достижимой, а былъ *единственной цѣлью*, являвшейся содержаніемъ революціоннаго сознанія.

Алхимика среднихъ вѣковъ, стремившагося превратить въ ретортѣ желѣзо въ золото, нельзя назвать утопистомъ. Но утопистомъ надо назвать того химика, который сейчасъ станетъ заниматься тѣмъ же дѣломъ. Поэтому не Марксъ былъ утопистомъ, а утопистами являются тѣ социалисты, которые теперь еще, послѣ огромныхъ завоеваній демократіи и вполнѣ выяснившейся ея громадной роли, готовы перескочить, минуя ее, прямо въ обѣтованную землю социализма. Поэтому не то удивительно, что Марксъ, Энгельсъ и Лассаль ставили себѣ недостижимыя,

*) См. стр. 175—176. Куршевъ Д. Далина.

утопіческія цѣли, а то, что ихъ себѣ ставятъ люди, нынѣ себя называющіе «марксистами». *)

Только медленно и постепенно съ большими срывами и провалами социализмъ включилъ въ содержание своихъ обѣтованій политическую демократію. Только съ быстрымъ ростомъ германской соц.-демократіи политическая демократія стала постепенно входить органическимъ элементомъ въ идеологію социализма. Но процессъ этотъ далеко еще не закончился. Еще и нынѣ въ социализмѣ демократическая идеологія подвергается каждый разъ риску быть затертой на сей разъ ужъ дѣйствительнымъ утопизмомъ. Социализмъ все еще демократиченъ... «смотря по обстоятельствамъ». Насиженного мѣста въ социализмѣ демократія еще не имѣетъ. Черезъ нее не только иногда стремятся «перескочить», но иногда на нее прямо наскочить.

III.

Происходитъ это изъ за принципиально неправильной постановки вопроса о роли демократіи въ социализмѣ.

Наиболѣе, такъ сказать, снисходительная формула ихъ сожитія гласитъ такъ: социализмъ — это цѣль, демократія это средство. Какъ средство для социализма демократія приемлема.

Самое это противопоставленіе: средство и цѣль — рисуется намъ въ настоящее время излишней метафизической роскошью. Содержаніе историческаго развитія нельзя разложить на цѣли и средства. Въ немъ все предыдущее есть средство для послѣдующаго. Каждая историческая фаза можетъ быть опредѣлена и какъ средство, и какъ цѣль въ зависимости отъ того, смотритъ ли наблюдатель впередъ или назадъ. Когда онъ смотритъ *назадъ*, то все ему рисуется въ видѣ цѣлей. Когда онъ смотритъ *впередъ*, то все ему рисуется въ видѣ средствъ. Обращаясь *назадъ*, мы находимъ, что капитализмъ былъ «цѣлью». Обращаясь *впередъ*, мы видимъ капитализмъ въ видѣ «средства». Съ этой точки зрѣнія мы получаемъ извѣстное право, вопреки обыкновенію, сказать: цѣли лежатъ позади насъ, впереди насъ только средства. Это звучитъ, какъ парадоксъ, но этотъ парадоксъ—только слѣдствіе метафизики цѣлей и средствъ.

*) Въ одномъ старомъ русскомъ словарѣ подъ словомъ „Алхимія“ и прочелъ слѣдующее: „Въ погонѣ за химерой алхиміи открыты много химич. фактовъ... Съ развитіемъ научной химіи алхимія осталась удѣломъ исключительно шарлатановъ и псевждъ“. *Mutatis mutandis* это относится и къ химикамъ и алхимикамъ общественно-историческаго развитія.

Соціалистическая теорія чувствуетъ все неудобство этихъ опасныхъ спекуляцій и пробуетъ спастись отъ философскихъ элюкючений, вводя наряду со средствами и цѣлями одну такъ-называемую «конечную цѣль» (Endziel). Но это нисколько не улучшаетъ, а наоборотъ только ухудшаетъ положеніе. Ибо «конечная цѣль» — это нѣчто, на чемъ прекращается исторія, на чемъ растворяется вся конкретная жизнь. Это можетъ быть блаженная, но все же смерть. И когда социализмъ выдается за «конечную цѣль», то это только свидѣтельствуешь о томъ, какъ легко социологія переходить въ эсхатологію.

Насколько неустойчивы, противорѣчивы и совершенно бесплодны всѣ эти спекуляціи со средствами и цѣлями, видно изъ того, что Каутскому очень легко доказать, что вовсе не социализмъ является нашей цѣлью. И для этого онъ ссылается, какъ это ни покажется страннымъ, на Эрфуртскую программу. Онъ пишетъ: «Иногда между демократіей и социализмомъ, т. е. обобществленіемъ средствъ и процесса производства проводятъ различіе, говоря: это обобществленіе является конечною цѣлью нашего движенія, а демократія не болѣе, какъ средство для этой цѣли, которое, смотря по обстоятельствамъ, можетъ оказаться непригоднымъ и даже явиться помѣхою. Строго говоря, однако, не социализмъ составляетъ нашу конечную цѣль, а устраненіе «всякаго рода эксплуатаціи и угнетенія, будутъ ли они направлены противъ какого либо класса, партіи, пола или расы» (Эрфуртская программа).»

Здѣсь характерно вотъ что: вмѣсто положительной формулировки цѣли дается отрицательная. *Мы не желаемъ гнета и эксплуатаціи въ какой бы то ни было формѣ. Чего же мы желаемъ? Мы желаемъ гнеть и эксплуатацію уничтожить. Что же для этого нужно? Для этого нужны не только «общественная организація производства, но и демократическая организація общества».* Здѣсь совершенно недвусмысленно не только демократія, но и социализмъ выступаютъ вмѣстѣ, какъ средства для нѣкоторой цѣли, отрицательно при томъ формулируемой. Мало того, Каутскій еще болѣе подчеркиваетъ характеръ социализма, именно какъ средства, когда говоритъ:

«Еслибъ намъ доказали, что мы въ этомъ ошибаемся, что освобожденіе пролетаріата и человѣчества вообще единственно или цѣлесообразнѣе всего можетъ быть достигнуто на основѣ частной собственности на средства производства, какъ это допускать Прудонъ, то мы должны были бы выбросить социализмъ за бортъ, нисколько не отказываясь отъ нашей конечной цѣли;

мы обязаны были бы это сдѣлать какъ разъ въ интересахъ этой конечной цѣли» *).

Характерно, что эту оговорку, носящую, конечно, чисто условно-силлогистическій характеръ, Каутскій дѣлаетъ относительно одного изъ средствъ освобожденія: общественнаго производства, и не дѣлаетъ ея, ни въ этой работѣ, ни въ одной изъ послѣдующихъ, относительно другого средства: демократической организаціи общества. Демократію онъ даже и условно не соглашается «выбросить за бортъ». И эта, хотя и чисто формальная, разница вполне понятна. Потому что демократія это такъ или иначе испытанное средство, имѣющее за собой десятилѣтія героической борьбы, а общественная организація производства только теперь начинаетъ свои первые многообъщающіе шаги, тѣмъ болѣе общающіе, чѣмъ прочнѣе завоевано другое средство освобожденія — демократическая организація общества.

Во всякомъ случаѣ искусственная іерархія цѣлей и средствъ, не состоятельная ни логически, ни соціологически, должна пасть. Демократія и социализмъ равно средства для единой цѣли — свободы. Но свобода не конечная цѣль, а *безконечная*. Она не имѣетъ мѣры. И никакимъ, самымъ идеально-законченнымъ и проведеннымъ способомъ производства (социализмъ), равно какъ и никакимъ идеально-проведеннымъ способомъ управленія (демократія) этой мѣры не наполнить. Тѣмъ и характерна отрицательная форма цѣли, выдвинутая Каутскимъ, что эта форма не упирается въ какой нибудь институтъ, который выражалъ бы всю полноту общественно-искомаго, а является только выраженіемъ постояннаго, наиболѣе общаго, но и наиболѣе сильнаго, стимула къ борьбѣ за индивидуальную и коллективную свободу.

Демократія и социализмъ только два лика этой свободы. Личность, коллективность не желаютъ быть орудіями, средствомъ въ рукахъ другой личности или коллективности, стоящихъ надъ ними. И они ищутъ выхода. Они организуютъ на болѣе рациональныхъ, на болѣе справедливыхъ началахъ производство, обменъ и распредѣленіе. И тогда они творятъ социализмъ. Но они организуютъ на болѣе рациональныхъ, на болѣе справедливыхъ началахъ и формы гражданскаго общежитія, способы осуществленія, обмена и распредѣленія правъ и обязанностей. Тогда они творятъ демократію. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ они творятъ единое дѣло свободы, свободы отъ гнета, независимо отъ того, происходитъ ли этотъ гнетъ отъ соб-

*) См. Karl Kautsky: „Demokratie oder Diktatur“. Berlin, 1920, bei P. Cassirer. Стр. 7-8.

ственности на власть или отъ власти надъ собственностью. Поэтому то безсмысленной является попытка изобразить одну форму служенія свободѣ средствомъ, а другую цѣлью. Не въ социализмѣ находитъ свое оправданіе демократія, не ради социализма идетъ за нее борьба, а и социализмъ, и демократія находятъ равно свое оправданіе въ свободѣ. Ради нея происходитъ борьба и за социализмъ, какъ ради нея въ другой области происходитъ борьба за науку, за умноженіе и распространеніе знаний.

IV.

Наука, демократія, социализмъ — вотъ три великихъ пути, перекрещивающихся, сливающихся, но равно ведущихъ къ той «конечной» цѣли, которая есть безконечное стремленіе къ свободѣ. Невозможно вступить на одинъ изъ такихъ путей, чтобы рано или поздно не оказаться на другомъ. Это приводитъ насъ къ другой важной сторонѣ интересующей насъ проблемы. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о наукѣ, затронутый только мимоходомъ.

Возможенъ ли социализмъ безъ демократіи? Возможна ли демократія безъ социализма? На первый вопросъ большинство социалистовъ нашего времени (не коммунисты) отвѣчаютъ отрицательно. Социалистическій строй, т. е. строй общественнаго производства, будетъ существовать въ формахъ демократіи. Социализмъ это *eo ipso* демократія. Изъ этого приходится сдѣлать нѣсколько исключеній для синдикалистской, правда сильно вывѣтрившейся уже, идеологии и для такъ-называемаго «гильдейскаго социализма», проектирующаго нѣчто въ родѣ двух-палатной системы; верхней — экономической, представляющей производителя, *Homo Oeconomicus*, и нижней — политической, представляющей гражданина, *Homo politicus*, съ явнымъ преобладаніемъ перваго надъ вторымъ.

За этими исключеніями современные социалисты стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что политическая форма социализма — это демократія. Безъ демократіи социализмъ невозможенъ. Но именно въ этой формулѣ и кроется часто недооцѣнка демократіи. «Вы хотите демократіи? — Дайте намъ социалистическій строй». Иначе говоря, борьба за демократію отодвигается на задній планъ. Впереди идетъ борьба за социализмъ. Когда будетъ социализмъ, будетъ и демократія. Въ этой концепціи она перестаетъ быть самостоятельнымъ задачей социалистическаго движенія. Демократія приложится. Она явится подробностью въ социалистической организаціи хозяйства. Да въ концѣ кон-

цовъ это и неважно: если будетъ социализмъ, то ужъ самый фактъ его существованія столь подавляюще значителенъ, что вопросъ о томъ, вырастетъ ли на этомъ базисѣ надстройка политической демократіи или какая нибудь иная — не можетъ не потерять своей остроты. Это въ мірѣ нынѣшнемъ, въ обстановкѣ капитализма вопросъ о демократіи играетъ такую важную роль. Но вырвитесь изъ пекла капитализма на просторъ социализма и все это кипѣніе политическихъ страстей потеряетъ свой смыслъ.

Эта психологія снисходительнаго отношенія обладателя чего то великаго и всеобщаго къ спорамъ о маломъ и частномъ — эта гордыня базиса, скучно взирающаго на надстройку — она въ социалистическомъ міровоззрѣніи играетъ весьма выдающуюся роль. Именно она порождаетъ у независимыхъ с. д. разочарованіе въ достиженіяхъ германской революціи, именно она заставляла русскихъ социалистовъ «углублять» революцію, по ихъ субъективнымъ намѣреніямъ, и углублять ея могилу по объективнымъ результатамъ ихъ усилій. Именно эта психологія приводила къ тому, что всюду, гдѣ въ періодѣ революціи воздвигались надстройки демократіи, попытки углубленія революціи приводили къ гражданской войнѣ и вмѣстѣ съ нею къ истощенію базиса подъ этими надстройками.

Помнится, гдѣ-то В. Розановъ писалъ объ «Иисусѣ Сладчайшемъ», что во сладости его прогоркъ міръ. Такъ и у многихъ социалистовъ во сладости социализма горкнетъ демократія. Это старая традиція, идущая еще со середины прошлаго вѣка, когда у творцовъ современнаго социализма вопросы демократіи и политической организациі общества розрѣшались въ видѣ діалектическаго отрицанія, выбрасывавшаго вмѣстѣ съ водой абсолютизма и проблему государства вообще. Ленинъ въ своей работѣ «Государство и революція» усердно подобралъ всѣ отдѣльныя высказыванія Маркса и Энгельса и истолковалъ ихъ по своему. Не обошлось, конечно, безъ ловкости рукъ, но за всѣмъ тѣмъ остается несомнѣннымъ, что у первыхъ учителей социализма проблемы демократіи не было, да и быть не могло хотя бы въ отдаленномъ сходствѣ съ тѣмъ, какъ, въ результатѣ огромныхъ переменъ, произошедшихъ съ того времени, эта проблема стоитъ сейчасъ. Сами слова и понятія имѣли тогда не тотъ смыслъ, какой мы въ нихъ вкладываемъ нынѣ. Послѣдующіе комментаторы пытались модернизировать и сложить въ цѣльную картину разрозненные обрывки теоріи государства. Но друзья социализма обречены были, въ своемъ стремленіи создать изъ всего этого пріятный идеалъ, на ту же неудачу, что и враги социализма, ревнивымъ копаніемъ въ марксовомъ на-

слѣди пытавшіеся создать изъ всего этого отталкивающее пу-гало. Въ социалистической идеологіи осталось только законное и понятное 3/4 вѣка тому назадъ и незаконное и вредное сей-часъ подчиненіе проблемы демократіи проблемѣ социализма. Въ результатѣ, формула, гласящая, что социализмъ невозможенъ безъ демократіи, слишкомъ часто воспринимается, какъ за-кланіе демократіи на алтарѣ социализма.

Намъ остается теперь разсмотрѣть другой вопросъ, по-ставленный выше: возможна ли демократія безъ социализма? Отвѣтъ на этотъ вопросъ какъ будто не вызываетъ никакихъ затрудненій. Мы имѣемъ рядъ несомнѣнныхъ демократій, гдѣ социализма нѣтъ, а подчасъ и очень далеко до него. Каутскій, настаивающій на неразрывной связи социализма и демократіи, подчеркивающій положеніе: «Нѣтъ социализма безъ демокра-тіи» — оговаривается, однако, о «невозможности придать это-му положенію перевернутую форму» (Нѣтъ демократіи безъ социализма — гласила бы она въ этомъ видѣ): «Демократія безъ социализма вполнѣ возможна. Даже чистая демократія мыслима безъ социализма, напримѣръ, въ мелко-крестьянскихъ обществахъ, въ которыхъ полное равенство экономическихъ условій для всѣхъ и cadaго имѣетъ въ своей основѣ частную собственность на средства производства».

Однако, этотъ примѣръ Каутскаго мало показателенъ. На почвѣ совершенно примитивныхъ экономическихъ отношеній и демократія является весьма примитивной. То, что она «чи-стая» — нисколько не противорѣчитъ тому, что она весьма примитивная. Демократія здѣсь чистая только потому, что пе-редъ ней нѣтъ никакихъ сложныхъ задачъ. Она стоитъ по ту сторону добра и зла и скорѣе смахиваетъ на натуральную демо-кратію нѣкоторыхъ животныхъ обществъ. Такіе примитивы столь же легко знаютъ социализмъ безъ демократіи, какъ и демократію безъ социализма. Каутскій самъ приводитъ примѣ-ры послѣдняго рода. Однако, и этотъ «социализмъ» и эту «де-мократію», приходится взять въ кавычки и въ кавычкахъ от-дать по принадлежности — исторіи первобытной культуры.

Здѣсь однако интересно слѣдующее: примѣры примитив-наго социализма на антидемократической основѣ нисколько, по мнѣнію Каутскаго, не опровергають его тезиса — нѣтъ соци-ализма безъ демократіи. Онъ за этими примѣрами никакой до-казательной силы не признаетъ, т. к. «для современныхъ людей подобный патріархальный режимъ былъ бы невыносимъ». Од-нако за обратными примѣрами примитивной демократіи на антисоциалистической основѣ онъ, какъ мы видѣли, эту дока-зательную силу признаетъ и на этомъ основаніи отвергаетъ

обратный тезисъ — нѣтъ демократіи безъ социализма. Иначе говоря, для него гораздо болѣе ясна демократизирующая сила социализма, чѣмъ социализирующая сила демократіи.

Не трудно, однако, видѣть, что возраженіе о невыносимости для современныхъ людей патріархальныхъ отношеній относится не только къ антидемократическимъ примѣрамъ примитивнаго социализма, но и къ антисоциалистическимъ примѣрамъ примитивной демократіи. Для современнаго челоуѣка невыносимо и то и другое выраженіе примитивныхъ началъ.

V.

Вопросъ о томъ, настолько ли же правиленъ тезисъ: нѣтъ демократіи безъ социализма, какъ и тезисъ: нѣтъ социализма безъ демократіи — приходится рѣшать не на основѣ того, что было и отмерло, не на основѣ законченныхъ фактовъ, а ихъ выясняющейся тенденціи, во всякомъ случаѣ на почвѣ современной, а не «чистой» демократіи. И вотъ на этой то почвѣ социализмъ, какъ общественное хозяйство, является неуклонно и постоянно нарастающимъ элементомъ общественнаго развитія.

Общественное хозяйство въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, начиная отъ муниципальныхъ, кооперативныхъ, чисто рабочихъ, государственныхъ и кончая разнообразными сочетаніями съ частнымъ капиталомъ, медленно но неуклонно завоевываетъ одну позицію за другой. И это при условіи, что нигдѣ почти социалистическія партіи не стоятъ у власти, а во многихъ странахъ онѣ отъ нея отстранены или отстранились. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что стань завтра Англійская Рабочая Партія у власти, какъ процессъ завоеванія общественнымъ хозяйствомъ все новыхъ и новыхъ областей экономической жизни пойдетъ въ Англии быстро и рѣшительно впередъ. Если процессъ социализаціи хозяйства идетъ во многихъ странахъ не такъ быстро, какъ этого бы хотѣлось тамошнимъ социалистамъ, то этому препятствуютъ не столько формы политической жизни, сколько органическая отсталость экономическаго развитія или задержка его, вызванная послѣ-военнымъ разореніемъ. Во всякомъ случаѣ, дальнѣйшій успѣхъ политической демократіи, вовлеченіе въ составъ дѣйствующей арміи демократіи все болѣе широкихъ массъ и ихъ политическихъ выразителей, частичное или полное овладѣніе механизмомъ демократической власти партіями труда само по себѣ означаетъ огромное расширеніе перспективъ и значительную реализацію плановъ общественнаго хозяйства.

Не нужно быть метафизикомъ и утверждать, что «по своему своему существу» развернутая форма демократіи приводитъ къ социализму. Достаточно только констатировать факты изъ этой области. Демократія приводитъ въ движеніе какъ объективныя силы общественнаго хозяйства, такъ и субъективно заинтересованныя въ этомъ социальныя группы. Поэтому мы и имѣемъ право перевернуть формулу: нѣтъ социализма безъ демократіи — въ такую: нѣтъ демократіи безъ социализма.

Само собой разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ только о высокихъ, развернутыхъ формахъ демократіи, когда социалистически мыслящіе и настроенные элементы народа обладаютъ достаточнымъ вѣсомъ въ политической жизни. Но при этомъ не надо забывать: на сторону, если не социализма, какъ цѣлостной идеологии, то социализаціи, какъ экономической реформы, въ этой обстановкѣ развернутой демократіи неизбѣжно переходятъ и чисто буржуазные элементы и не только изъ интеллигенціи, но и изъ такъ-называемыхъ «дѣловыхъ» сферъ. Знаменитые споры о «врастаніи» причинившіе столько огорченій т. л. ревизионистамъ и т. н. ортодоксамъ, разрѣшаются въ этомъ несомнѣнномъ врастаніи демократіи въ социализмъ.

Конечно, для социалистовъ, для которыхъ социализмъ становится замѣтнымъ только въ грохотѣ возстаній, въ сіяніи диктатуры пролетаріата, въ шумѣ и трескѣ «соціальной революціи» — этотъ процессъ «эманации» демократіей социализма не играетъ никакой роли. Они лишь ждутъ «настоящаго дня». Но для тѣхъ, кто понимаетъ, что социализмъ нельзя отнести къ нѣкоему рубежу, по одну сторону котораго социализма «еще нѣтъ», а по другую онъ «уже есть» — для этихъ социалистовъ социализирующія тенденціи демократіи фактъ огомнаго практическаго и теоретическаго значенія.

Эта социализирующая тенденція проистекаетъ изъ того, что, стремясь къ формальному моменту равенства, демократія неизбѣжно наталкивается на нищету, невѣжество, поработеніе личности экономическимъ гнетомъ, которые должны быть устранены для того, чтобы равенство изъ формулы превратилось въ фактъ. Соціальное законодательство въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія становится функціей демократіи. Она можетъ при этомъ даже не ставить себѣ никакихъ специфическихъ экономическихъ задачъ. Но ей нужно отвоевать себѣ гражданина, политическую единицу. И, если для этого демократіи приходится ворваться въ область имущественныхъ отношеній, ибо въ нихъ, закованный въ цѣпи экономического рабства, погибаетъ въ нищетѣ гражданинъ, она сюда врывается, нисколько не задумываясь о предѣлахъ своей компетенціи. Она обяза-

на держать високо знамя гражданина. И только этого ей достаточно, чтобы она не позволила никому принуждать гражданина работать больше 8 часовъ, самодержавно устанавливать правила внутреннего распорядка, принимать и увольнять рабочихъ безъ согласія всѣхъ рабочихъ, отрывать отъ ученія дѣтей, обрывать на голодъ безработнаго и т. д. и т. д.

Демократія стихійно и сознательно навязываетъ формы своего бытія экономическимъ отношеніямъ — и такъ возникаетъ, вмѣсто феодально-монархической фабрики, фабрика конституціонная, такъ постепенно право хозяина въ своемъ домѣ вытѣсняется правомъ коллектива въ народномъ хозяйствѣ и въ отдѣльныхъ его клѣточкахъ. Демократіи нужна свободная индивидуальность гражданина. И она вступаетъ за него въ бой со всѣми силами, похищающими у нея эту индивидуальность. И вотъ почему на извѣстной ступени своего развитія она приближается къ принципиальному разрыву съ капитализмомъ, когда онъ изъ фактора, освобождающаго личность, становится помѣхой для выявленія ея, безгранично растущаго, духовнаго и моральнаго содержанія. Демократія рождаетъ социализмъ. Но, конечно, только въ томъ случаѣ, если ее не калѣчатъ искусственно преждевременными родами. Въ этихъ случаяхъ она рождаетъ не социализмъ, а реакцію. Дѣтище это называютъ коммунизмомъ. Но отъ слова не станется.

Демократія рождаетъ социализмъ. Рождаетъ ли социализмъ демократію? До сихъ поръ такого случая не было. Если считать социализмомъ то, что было въ Россіи, Венгріи, Баваріи, если считать социализмомъ то, что устроили въ 18 вѣкѣ іезуиты въ Парагваѣ, то этотъ социализмъ рождалъ не демократію, а деспотію. Правильнѣе будетъ, однако, сказать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ социализма не было. Потому что социализму неоткуда взяться, если нѣтъ демократіи. Вопросъ о томъ, можетъ ли изъ социализма родиться демократія — бессмысленный вопросъ. Потому что не дѣти рождаютъ своихъ матерей, а матери рожаютъ своихъ дѣтей. Социалистамъ остается, слѣдовательно, позаботиться о здоровьѣ и благополучіи матерей. Тогда родятся и здоровыя и способныя къ жизни дѣти. А когда они родятся, надо будетъ позаботиться, чтобы они не убивали своихъ матерей. Потому что за это убійство исторія караетъ смертью. Примѣровъ было достаточно.

VI.

На нашихъ глазахъ въ социалистическомъ міросозерцаніи происходитъ рѣзкій, крутой поворотъ, означающій въ предѣ-

лѣ своемъ принципиальный разрывъ съ прошлымъ. Въ краткихъ чертахъ этотъ поворотъ можетъ быть характеризованъ слѣдующимъ образомъ.

Осуществленіе социалистическаго строя перестало рисоваться въ видѣ революціи въ смыслѣ насильственныхъ, одного или ряда короткихъ ударовъ свѣже захваченной пролетаріатомъ власти. Если раньше на основаніи нѣкоторыхъ высказываній Маркса максимальная уступка духу эволюціонизма выражалась въ томъ, что допускалась въ видѣ единичнаго *исключенія* возможность мирнаго перехода къ социализму въ Англии (Марксъ въ еще болѣе условномъ видѣ допускалъ такую возможность и для Голландіи), то теперь, въ позднѣйшихъ работахъ Каутскаго, *) насильственный переходъ къ социализму не допускается даже и въ видѣ исключенія. Социализмъ возможно осуществить только мирнымъ путемъ, путемъ ряда постепенныхъ, притомъ весьма осторожныхъ, не вносящихъ внезапной ломки въ экономическія отношенія, мѣропріятій демократическаго государства, встрѣчающихъ не только сочувствіе широкихъ массъ, но и пониманіе, и признаніе ими вытекающихъ отсюда для нихъ новыхъ, болѣе высокихъ и сложныхъ обязанностей въ предѣлахъ фабрики, бюро, канцелярій, союзныхъ объединеній, органовъ мѣстнаго и государственнаго хозяйственнаго и гражданскаго самоуправленія. Только такъ и ни въ какомъ случаѣ не иначе социализмъ можетъ стать органическимъ, все болѣе расширяющимся началомъ социальнаго прогресса, а не свалкой экспериментовъ, обреченныхъ на неудачу и на роль разрушителей народнаго хозяйства **).

Въ этой работѣ Каутскаго, которую я упомянулъ выше, этотъ, совершенно новый, подходъ къ проблемѣ социализма опирается на многочисленный рядъ широко разбросанныхъ аргументовъ. То, что Каутскій называетъ «пролетарской революціей» — это не столько осуществленіе социализма, сколько овладѣніе и максимальное расширение пролетаріатомъ общественно-политическаго аппарата демократіи. Здѣсь, а не въ сферѣ хозяйственной, проявляется пауось и драматизмъ борьбы. Не социализмъ, какъ организація хозяйства, а демократія, какъ организація права, составляетъ центръ волевыхъ и эмоциональныхъ проявленій освободительной борьбы. Въ этомъ смыс-

*) См. въ особенности его послѣдній сводный трудъ, выпущеній въ концѣ іюня с. г.: „Die proletarische Revolution und ihr Programm“ Internationale Bibliothek. Stuttgart. J. Dietz. 1922.

**) Относящіяся къ этой проблемѣ соображенія были мною высказаны въ статьѣ „О диктатурѣ“ въ 10-й кн. „Совр. Зап.“

лѣ можно говорить о революціонній демократіі, но нельзя говорить о революціонномъ социализмѣ.

Соціализмъ не работаетъ методами революціи. Но ими не можетъ не работать демократія. Въ области демократіи, когда народъ знаетъ и хочетъ осуществить ту или иную свою цѣль, онъ уже обладаетъ огромной силой для ея достиженія. Но въ области социализма этихъ т. н. «субъективныхъ предпосылокъ» совершенно недостаточно. Матеріалы экономики куда менѣе эластичны и куда менѣе поддаются формирующему давленію воли, чѣмъ матеріалы политики. Абсолютизмъ, политическій гнетъ можно постепенно изживать, но можно и опрокинуть. Большею частью приходится его опрокидывать. Капитализмъ, хозяйственно-экономическій гнетъ можно только постепенно изживать, но нельзя опрокидывать, чтобы самимъ не погибнуть подъ его развалинами. Стиннесы на своихъ престолахъ сидятъ не только гораздо дольше, но и гораздо крѣпче, чѣмъ Вильгельмы на своихъ.

Социализмъ это позитивное творчество. Меньше всего на его путяхъ возможна веселая наука разрушенія. Наоборотъ, это наука тяжелая, при которой результаты приложенія энергіи сказываются долго спустя послѣ ея приложенія, при которой нѣтъ и не можетъ быть ощущенія непосредственнаго успѣха и только на очень большой высотѣ научной и общественной проницательности можно провести соединительную линію между данными и искомыми общественно-экономическаго процесса.

Къ этому высокому интеллектуальному уровню надо приближать массы. Безъ этого социализмъ, какъ ихъ кровное дѣло, а не какъ удачныя выдумка реформаторовъ, невозможенъ. Въ этомъ заключается одна изъ главнѣйшихъ задачъ социалистической партіи. Но массовое движеніе не можетъ жить и развиваться какъ подготовительная школа социализма. Оно должно питаться не только цѣлями, объективно реализуемыми въ дали времянь, но и субъективно-ощущаемыми, какъ непосредственный результатъ воли и борьбы, успѣхами своего времени. На эти запросы отвѣтъ даетъ демократія. Здѣсь по преимуществу область приложенія массовой энергіи, воли и знанія. Здѣсь психологическое удареніе въ героической симфоніи освободительнаго движенія.

Покуда социализмъ рисовался въ видѣ прыжка, въ видѣ чуда социальнаго преображенія и вознесенія, до тѣхъ поръ такой социализмъ могъ служить духовной скрѣпой, притягивавшей усталыя головы и сердца къ нѣкоей свѣтлой точкѣ, къ нѣкоему рубежу, по другую сторону котораго находится всемірно-

историческое «нынѣ отпускаеши». Но социалистическая мысль разстается, почти совершенно разсталась съ такой концепціей. Были сдѣланы пробы прыжковъ. Въ этой, въ такой борьбѣ выяснилось, что пролетаріатъ можетъ проиграть все, кромѣ своихъ цѣпей, и выиграть только новыя. И вотъ тѣ, которые говорятъ правду измученнымъ трудовымъ массамъ, тѣ волей-неволей обречены на роль холодныхъ, съ виду черствыхъ воспитателей, льющихъ холодную воду не только на головы идеологовъ (ихъ жалѣтъ нечего), но и на головы этихъ самыхъ массъ.

Они говорятъ массамъ, что социальной революціи не будетъ, потому что социальная революція уже происходитъ. И вотъ какая это простая, не торжественная, но мучительно трудная, связанная съ чрезвычайными жертвами — не для капиталистовъ, а для самихъ пролетаріевъ — вещь. Неоднократно въ своей новой работѣ Каутскій возвращается все къ одной и той же мысли, все къ одному и тому же предупрежденію: социализмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ не сулитъ вамъ рѣзкаго улучшенія вашего матеріальнаго положенія. Социализмъ потребуетъ отъ васъ ряда самоограниченій, отъ какихъ вы свободны при капитализмѣ. (Стачка). Социализмъ — это колоссальное увеличеніе «высокихъ, но сложныхъ и трудныхъ обязанностей, падающихъ на васъ. Если вы этого не можете и не хотите, то лучше не беритесь за социализацію. Потому что вы гораздо больше потеряете, чѣмъ найдете.

Съ исключительной въ социалистической литературѣ прямотой Каутскій предлагаетъ социалистамъ уменьшить свои заботы о томъ, чтобы поскорѣе и рѣшительнѣе были проведены социалистическія мѣропріятія. «Тамъ, гдѣ пролетаріатъ завоевалъ власть, намъ дѣйствительно нечего быть озабоченными тѣмъ, чтобы онъ въ самой энергичной, непреклонной и безпощадной (rücksichtslosester) формѣ устремился бы къ социалистическимъ мѣропріятіямъ. Для этого нѣтъ никакой надобности въ образованныхъ марксистахъ. Опасность заключается тутъ вовсе не въ томъ, что будетъ проявлено слишкомъ мало революціоннаго напора, а въ томъ, что онъ проявится въ нецѣлесообразныхъ формахъ, въ мѣрахъ, которыя приведутъ къ результатамъ, противоположнымъ желаемымъ... Вопросъ идетъ о томъ, будетъ ли пролетаріатъ, пришедшій къ власти, склоненъ проявить то самоограниченіе и самооглядку, которыхъ отъ него требуетъ марксизмъ». Послѣ всего пережитого въ послѣдніе годы, можно понять эту горькую и тяжелую роль, выпадающую на долю социалистовъ. И можно понять ту злую иронию и безпощадную логику, какими Каутскій бьетъ социа-

листовъ, стоящихъ на позиціи «углубленія революціи» („Das Weitertreiben der Revolution“)*)

Но, если въ области социализма, какъ экономическаго строительства, социалистамъ приходится въ настоящее время выступать въ неблагоприятной роли Кассандры, то съ чѣмъ же имъ предъ пролетаріатомъ выступать въ качествѣ провозвѣстниковъ прямыхъ и вѣрныхъ успѣховъ? Отвѣтъ тотъ же: съ идеалами демократіи, съ призывами къ массамъ научиться цѣнить и оберегать ея великія возможности. Если нельзя въ начальную эпоху социалистическаго преобразованія питать надежды на рѣзкое улучшение матеріальнаго положенія рабочихъ, если — наоборотъ — приходится подчеркивать необходимость съ ихъ стороны жертвъ и самоограниченій, то тѣмъ большее идеологическое значеніе въ социалистическомъ движеніи должны пріобрѣсти проблемы демократіи. «Борьба пролетаріата, какъ уже неоднократно было указано, становится тогда тѣмъ больше борьбой за свободу и власть, чѣмъ меньше она является борьбой просто за хлѣбъ»**).

Хозяйственныя условія социализированныхъ предпріятій, какъ и всего социализирующагося общества, сильно суживая на первыхъ порахъ возможность непосредственныхъ экономическихъ выгодъ, допускаетъ, однако, широкій просторъ для улучшения положенія рабочаго какъ личности, какъ гражданина. Не только для социализма, но и въ социализмѣ демократія выступаетъ на первый планъ. Здѣсь область наиболѣе широкихъ обѣтованій социалистическаго движенія. Его притягательную силу приходится нынѣ характеризовать не столько въ терминахъ экономики, сколько въ терминахъ права, морали, культуры.

Вотъ почему, еслибы мы были сторонниками метафизическаго дѣленія единаго потока социалистическаго движенія на цѣли и средства, еслибы мы поставлены были передъ альтернативной задачей рѣшить вопросъ: что есть цѣль и что есть средство, то, вопреки формуль I-го Интернаціонала, мы бы сказали: общественное производство есть средство, а демократія есть цѣль социалистическаго движенія.

VII.

Но намъ нѣтъ надобности вязнуть въ этой схоластикѣ. Для насъ несомнѣнно только одно: является ли демократія

*) Такъ называется одна изъ главъ книги Каутслага. Стр. 85—94.

**) Тамъ же, стр. 196.

цѣлью или средствомъ социалистическаго движенія — она во всякомъ случаѣ его идеологическій центръ, его нравственная и психологическая опора, его героическое начало, его революціонное ядро.

Только въ свѣтъ демократіи социализмъ перестаетъ быть экономической реформой и становится цѣлостнымъ жизнестремленіемъ широкаго, захватывающаго культурно-историческаго діапазона.

Безъ демократіи — социализмъ только экономическая реформа въ предѣлахъ науки и только экономической экспериментъ въ предѣлахъ утопіи. Социализму нужно беречься, чтобы съ переходомъ его, необходимымъ и плодотворнымъ, изъ области утопическаго иллюзионизма на почву тяжелой повседневной работы экономическаго строительства, его не поразилъ бы недугъ безкрылаго реформизма.

Прежде отъ этой опасности уходили методами «углубленія революціи», пареніемъ на авантюристическихъ высотахъ, разжиганіемъ социальныхъ страстей, грязими ожиданіями «настоящаго дня», идеологіей «соціального мифа» и т. д. Теперь весь этотъ примитивный инструментарій приходится бросить. Раньше или позже, но все это придется оставить. Тогда нужно посмотреть, не останемся ли мы послѣ этой операціи съ пустыми руками, или, что еще хуже, съ опустошенными сердцами, хотя и съ набитой трезвыми идеями головой. Несомнѣнно головной социализмъ лучше кулачнаго. Но когда пустѣютъ сердца, то очень скоро начинаютъ беспомощно виснуть и головы. Отъ этой опасности социализмъ какъ цѣлостное движеніе, а не только какъ экономическая реформа, можетъ и долженъ найти защиту, пропитавшись всѣмъ своимъ существомъ духомъ великихъ достижений и еще болѣе великихъ стремленій демократіи. На этомъ пути онъ можетъ пройти между Сциллой социально-политическаго всплшкопускательства и Харибдой прѣснаго экономизма.

Здѣсь передъ социалистическими партіями и социалистическими идеологами открывается безбрежное поле для работы. Ибо ошибочно думать, что демократія — это только сводъ законовъ и сумма учреждений. Все это еще должно пройти черезъ сознаніе и чувство массъ, сдѣлаться ихъ «второй натурой». До этого мы еще очень и очень далеки.

Мы видимъ это поверхностное и холодное отношеніе къ цѣнностямъ демократіи на каждомъ шагѣ. Съ какой легкостью значительные отряды международнаго социализма поддались на соблазны диктатуры! Какъ легко почти всюду, гдѣ власть попадала въ руки социалистически-настроенныхъ массъ, онѣ об-

ращали добытуу для себя свободу въ орудіе жестокаго и безсмысленнаго гнета надъ другими! Съ какимъ самоубійственнымъ рвеніемъ соціалисты, пришедшіе къ власти, воплощали въ жизнь одинъ за другимъ гнусныя примѣры злобной фантазіи противниковъ соціализма! Съ какой ужасающей наивностью по всему міру международнаго соціализма прокатилась волна протестовъ противъ содержанія въ совѣтскихъ тюрьмахъ... соціалистовъ! Это было бы еще съ поль-горя, если бы легкое, легкомысленное отношеніе къ принципамъ демократіи проявлялось только въ лидерствующихъ верхахъ соціалистическаго движенія въ результатѣ т. н. «строго послѣдовательнаго» примѣненія принциповъ т. н. «классовой борьбы».

Правда, убійство съ заранѣе обдуманнмъ намѣреніемъ карается гораздо строже, чѣмъ убійство въ состояніи крайней запальчивости и раздраженія. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что самое ужасное заранѣе обдуманное намѣреніе не столько вредитъ обществу, сколько это состояніе запальчивости и раздраженія. Массы убивали завоеванія демократіи именно въ этомъ состояніи. Вожди—обдумывали намѣренія. Съ легкостью уничтожались завоеванія, о которыхъ мечтали и за которые умирали не только отцы, дѣды и прадѣды, но и эти самыя запальчивыя, и эти самыя, обдумывающія свои намѣренія, дѣти.

Мы имѣли достаточно, слишкомъ много, случаевъ убѣдиться въ томъ, до чего поверхностно, непрочно сидятъ въ сознаніи и психикѣ соціалистическихъ массъ принципы демократіи. Не только Россія снабжала насъ этими примѣрами. Потому-то задача соціалистическаго движенія заключается не только въ томъ, чтобы завоевать демократическую республику, свободы, всеобщее избирательное право и т. п. Это въ концѣ концовъ гораздо легче сдѣлать, чѣмъ завоевать для демократіи умы и чувства массъ. Даже и послѣ завоеванія демократической республики эта задача стоитъ во всей своей грандіозности и сложности. Всѣ контръ-революціи, въ томъ числѣ и русская контръ-революція, съ пятилѣтнимъ юбилеемъ которой нынѣ коммунисты другъ друга поздравляютъ, опирались на массы, которымъ стала недорого, безразлична, порою прямо ненавистна, ихъ же кровью добытая свобода. И потому соціализму это необходимо крѣпко запомнить: искусство удержанія свободы гораздо болѣе сложное и трудное искусство, чѣмъ искусство ея завоеванія.

Если въ завоеваніи свободы трудовые классы большей частью дѣйствуютъ рядомъ со всѣми прочими классами, являясь часто только ударной массой, то въ удержаніи свободы на ихъ долю выпадаетъ гораздо болѣе отвѣтственная и сознательная роль.

Потому что въ эту пору имущіе классы, продѣлавшіе революцію, проявляютъ тенденцію помириться со старыми силами, на основѣ того компромисса, который эти силы до революціи горделиво отвергали, а послѣ революціи весьма склонны принять *). Такъ завоеваніе демократіи и удержаніе ея становится главнымъ содержаніемъ социалистическаго движенія.

Но демократія не замыкается въ кругъ правъ и институтовъ, хотя бы и весьма полно выявленныхъ самими совершенными примѣрами настоящаго. Здѣсь предстоитъ еще огромная работа воплощенія новыхъ началъ и идей, непрерывно выдвигаемыхъ въ качествѣ запросовъ жизни и исканій государственно-правовой мысли. Здѣсь процессъ творчества все новыхъ, все болѣе совершенныхъ орудій и институтовъ, все болѣе адекватныхъ народной волѣ и развивающимся запросамъ личности, не можетъ ни на минуту остановиться. Укажемъ для примѣра хотя бы на проблему защиты и проявленія правъ национальныхъ, социальныхъ и политическихъ меньшинствъ **).

Другой важный циклъ явленій относится къ демократизации отношеній въ промышленности. Здѣсь принципы, выработанные на опытѣ политической демократіи, переносятся въ сферу экономической жизни. Демократія уже здѣсь сдѣлала большіе успѣхи, но впереди еще путь глубокихъ трансформаций, въ предѣлѣ которыхъ теряетъ свой прежній смыслъ самое раздѣленіе между методами демократіи и методами социализма. Демократія начинаетъ творить дѣло социализма, *исходя изъ своихъ собственныхъ предпосылокъ*.

Наконецъ, старый міръ совсѣмъ ужь позади. Мы прошли черезъ всѣ остатки капиталистическихъ отношеній и находимся въ обществѣ съ завершенной социализацией средствъ производства — мы въ социалистическомъ строѣ. Представимъ себѣ это далекое и прекрасное будущее, и тогда мы вновь находимъ демократію, но ужь какъ гегемона всего общественного процесса, какъ главное содержаніе коллективнаго творчества. Въ этомъ обществѣ именно потому, что оно овладѣло законами экономики и подчинило ихъ своей организованной волѣ, — въ этомъ обществѣ экономика поглощаетъ гораздо меньшую долю индивидуальныхъ и общественныхъ усилій, чѣмъ въ обществѣ, гдѣ экономическая жизнь, построенная на началахъ соб-

*) Вообще, всякій уже свергнутый монархъ гораздо либеральнѣе еще не свергнутого.

***) Обзоръ относящихся сюда явленій и анализъ ихъ читатель найдетъ въ статьѣ М. В. Випняка „Проблема правъ меньшинствъ“ въ сборникѣ „Современныя Проблемы“. Изданіе Я. Поволоцкаго. Парижъ 1922 г.

ственности и експлуатації мільйонів людей, вызиваєть бѣшеную и анархическую свалку интересовъ и страстей, горе и нищету массъ, обезпечивающихъ кровью и потомъ своимъ праздность и богатство единицъ. Въ этомъ обществѣ гражданинъ, личность высвобождается изъ подъ груды давящихъ его «экономическихъ факторовъ», поднимается отъ «базиса» къ «надстройкамъ»—и такимъ образомъ создаются условія для такого широкаго и многообразнаго проявленія общественно-культурной дѣятельности, для такого расцвѣта самыхъ тонкихъ и совершенныхъ формъ демократіи, что въ ея цвѣта окрашивается весь міръ человѣческаго жизнетворенія *).

Въ итогѣ, къ какому бы мы историческому моменту ни отнесли дѣйствіе силъ социалистическаго движенія, какую сферу ихъ приложенія мы бы ни взяли, съ какой бы стороны ни подошли къ его задачамъ, успѣхамъ и разочарованіямъ — всюду мы наталкиваемся на демократію, какъ на сумму правъ и институтовъ и на демократію, какъ на идеологію свободной личности и свободныхъ коллективовъ. Всюду демократія, во всѣхъ этихъ смыслахъ, столпъ и утвержденіе правды социализма.

Изъ тяжелаго кризиса, переживаемаго социалистическимъ движеніемъ и социалистической идеологіей, они могутъ выйти только въ томъ случаѣ, если всѣми силами ринутся на борьбу за демократію во внѣ, въ стрѣбъ общественныхъ отношеній, и внутри себя, въ стрѣбъ всего своего міросозерцанія и мироощущенія. Демократизація социализма — таково кратко выраженное вѣднѣе времени.

Гейне въ своихъ очеркахъ по исторіи, философіи и религіи Германіи рассказываетъ прискорбную исторію одного англійскаго механика, который построилъ настоящаго человѣка. Въ немъ все было, какъ у всѣхъ людей. Этотъ человѣкъ-автоматъ дѣлалъ все, что дѣлаютъ всѣ обыкновенные люди. Онъ говорилъ . . . Однажды онъ настойчиво потребовалъ у своего изобрѣтателя: дай мнѣ душу! Потому что все у него было какъ у всѣхъ людей, только души у него не было. Но души ему гениальный механикъ дать не могъ. Въ ужасѣ отъ все болѣе настойчивыхъ запросовъ на душу со стороны своей гениальной креатуры механикъ сѣлъ на корабль, чтобы спастись на континентѣ. Но и здѣсь его настигъ автоматъ, и все требовалъ настойчиво, безпощадно: дай мнѣ душу, душу дай мнѣ. Еще и нынѣ онъ носится за нимъ по

*) Мнѣ приходится на этой сторонѣ проблемы остановиться самымъ бѣглымъ образомъ, такъ какъ пооробитѣ я объ этомъ говорю въ статьѣ „Демократія и социализмъ“ въ указанномъ выше сборникѣ.

всему міру и просить, и требуетъ: дай мнѣ душу, „give me a soul“...

Гейне рядомъ съ этимъ удивительнымъ автоматомъ ставитъ нѣмецкую классическую философію. Онъ видитъ, какъ она также носится по всему міру, но съ противоположной мольбою: дай мнѣ тѣло. Потому что все у нея есть, сколько угодно души, — тѣла только нѣтъ...

Мнѣ думается, что эти, набросанные рукой гениальнаго поэта, образы имѣютъ ближайшее отношеніе къ нашей темѣ.

— «Дай мнѣ душу», взываетъ социализмъ, какъ экономическая категорія. «Дай мнѣ тѣло» — не менѣе настойчиво взываетъ демократія, какъ категорія культурно-правовая. Ясно, они не могутъ безъ тяжкихъ страданій жить другъ безъ друга, какъ не могутъ жить тѣло безъ души и душа безъ тѣла.

Демократіи нуженъ социализмъ, чтобъ онъ освободилъ ей человѣка отъ гнета экономики. Социализму нужна демократія, чтобы она наполнила этого освобожденнаго человѣка богатствомъ своего культурно-историческаго содержанія.

Социалистическое движеніе должно дать тѣло душѣ и душу тѣлу. Оно это сдѣлаетъ, построивъ изъ этихъ элементовъ царство *социалистической демократіи*.

Въ этомъ его всемірно-историческое призваніе.

Ст. Ивановичъ.
